

Любовь по ошибке

Варсик

Варсик .

Любовь по ошибке

<https://litres.ru/74644432>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы с Ариной — близнецы, две половины одного целого, но наши судьбы, казалось, выковали из разных металлов. Наше поселение у кромки леса жило по своим законам, а сам лес был территорией Эдгара. Его имя было табу, шепот, которого боялись даже в темных углах наших домов.

Нам с детства внушали, что мы выйдем за Олега и Максима. Свадьбу назначили в один день, словно мы были двумя одинаковыми товарами. Но в разгар торжества, когда мы в одинаковых белых платьях замерли перед алтарем, в дверях появился он. Эдгар.

Его взгляд, холодный и пронзительный, скользнул по мне и остановился на сестре. А затем тишину прорезали его слова:

— Я заберу Арину.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	51
Глава 7	53
Глава 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Любовь по ошибке

Глава 1

Я Марина. И я Арина. Мы – близнецы, две половинки одного целого, но судьбы наши, казалось, были выкованы из разных металлов. Наше поселение, уютно примостившееся у кромки леса, жило по своим законам. Но лес этот был не просто природным массивом, он был территорией Эдгара. Имя его было табу, шепот, который боялись произнести даже в самых темных уголках наших домов. С самого детства я чувствовала разницу по отношению ко мне и к сестре. Не знаю, почему, но родительская любовь, казалось, всегда была направлена на Арину. Ее улыбка, ее успехи – все это вызывало восхищение, похвалу. А я... я была тенью, невидимой, нежеланной. Иногда мне казалось, что их равнодушие перерастает в нечто более темное, в скрытую ненависть, которая, как ядовитый плющ, обвивала мое сердце. Арина была светом. Ее смех звенел, как колокольчик, ее глаза сияли, как звезды. Она легко находила общий язык со всеми, ее руки были ловкими, а ум – быстрым. Родители гордились ею, их взгляды, полные нежности, всегда находили ее. Я же, Марина, была ее бледной копией, неуклюжей, молчаливой. Мои попытки привлечь внимание родителей заканчивались лишь вздохами и разочарованными взглядами. Я была как забы-

тый цветок в саду, который никто не удосужился полить. Эта разница в отношении была не просто обидной, она была болезненной. Я видела, как Арина купается в лучах родительской любви, а я остаюсь в тени, чувствуя, как холод равнодушия проникает в самые глубины моей души. Иногда, глядя на нее, я испытывала странную смесь зависти и жалости. Зависти к ее счастью, к тому, что она была любима, и жалости к себе, к своей вечной неприкаянности. Наше поселение, несмотря на свою кажущуюся идиллию, было пропитано страхом. Страхом перед лесом, перед тем, что скрывалось в его глубинах. Лес Эдгара. Это имя было произносимо лишь шепотом, как заклинание, способное вызвать нечто ужасное. Никто не смел заходить далеко, никто не знал, что там обитает, но все чувствовали его присутствие. Этот страх, казалось, пропитывал воздух, делая его тяжелым и давящим. Я часто смотрела на границу леса, на темную стену деревьев, и чувствовала странное притяжение. Возможно, там, в этой неизведанной тьме, я могла найти что-то, чего мне так не хватало здесь, в нашем поселении. Возможно, там, где царил страх, я могла бы обрести свободу. С самого рождения наши жизни были вписаны в чужие сценарии. Я, Марина, и моя сестра-близнец Арина, были словно две одинаковые куклы, чьи судьбы были предрешены еще до того, как мы успели вдохнуть первый глоток воздуха. Нам с детства внушали, что наш путь предопределен: я выйду замуж за Олега, а Арина – за Максима. Сыновья влиятельных семей, наши будущие

мужья, были лишь звеньями в цепи, призванными укрепить и приумножить богатство и власть их родов. Свадьбу нам назначили в один день, словно мы были двумя одинаковыми товарами, которые нужно было выдать замуж одновременно, чтобы не упустить выгодный момент. Мы росли, принимая эту реальность как данность. Наши дни были наполнены уроками этикета, светскими приемами и разговорами о будущих семьях. Мы были послушными дочерьми, готовыми исполнить свой долг. Наши платья были сшиты из одной ткани, наши прически – идентичны, наши улыбки – отрепетированы. Мы были отражениями друг друга, обреченными на одинаковое будущее. Но в тот день, когда наши жизни должны были переплестись в единый узел, все пошло не по плану. День свадьбы, тщательно спланированный, с каждым часом приближался к своему апогею. Мы, в одинаковых белоснежных платьях, стояли перед алтарем, готовые произнести слова, которые должны были связать нас с нашими женихами навечно. Свет свечей отражался в наших глазах, создавая иллюзию безмятежности, но внутри каждой из нас, я уверена, таилось смутное предчувствие. В разгар свадебного торжества, когда воздух был пропитан ароматом цветов и сладким предвкушением счастья, наступил момент, который, казалось, застыл во времени. Тишина, густая и осязаемая, повисла в воздухе, нарушаемая лишь нежным трепетом пламени свечей, отбрасывающих причудливые тени на своды храма. В этот миг, когда сердца гостей замерли в ожи-

дании, двери храма распахнулись. И в этом проеме, словно выхваченный из самой ткани реальности, появился он – Эдгар. Его появление было не просто входом, а скорее вторжением в устоявшуюся гармонию. Не было ни громких шагов, ни суетливых движений. Лишь медленное, уверенное движение, которое приковывало к себе взгляды всех присутствующих. Свет, проникающий извне, окутывал его силуэт, делая его фигуру одновременно величественной и загадочной. Казалось, что сам мир затаил дыхание, чтобы лучше слышать невысказанные слова, которые могли прозвучать из его уст. В этот момент тишина перестала быть просто отсутствием звука. Она стала холстом, на котором разворачивалась драма. Каждый трепет свечи, каждый вздох гостя, каждый шорох ткани – все это становилось частью нарастающего напряжения. В глазах присутствующих читались вопросы, сомнения, а возможно, и страх. Что привело его сюда, в этот священный момент чужого счастья? Какую весть он несет? Эдгар стоял на пороге, словно мост между двумя мирами. Миром, где царила радость и обещание будущего, и миром, который он, возможно, представлял – миром прошлого, тайн или неразрешенных конфликтов. Его присутствие было подобно внезапному аккорду в мелодии, который нарушает привычный ритм, но при этом придает ей новую глубину и драматизм. В его облике, в его позе, в его взгляде, который, казалось, скользил по лицам гостей, было что-то неуловимое, но мощное. Возможно, это была тень прошлых

ошибок, или же предвестие грядущих испытаний. Возможно, он был здесь, чтобы напомнить о чем-то забытом, или чтобы изменить ход событий. Двери храма, распахнувшиеся в этот момент, стали символом открывающихся возможностей и неизбежных перемен. Эдгар, стоящий в этом проеме, был воплощением этой перемены. Он был тем, кто мог разрушить хрупкое равновесие, или же, наоборот, привнести в него новую, неожиданную гармонию. И вот, в этой звенящей тишине, под трепетным светом свечей, мир замер в ожидании. Ожидании того, что скажет Эдгар, что сделает он, и как его появление изменит этот свадебный день, который только что казался таким предсказуемым и безоблачным. Его появление было не просто событием, а началом новой истории, написанной на языке тишины и предвкушения. Его присутствие было подобно грому среди ясного неба, нарушая хрупкое равновесие нашего мира, построенного на прочном фундаменте предрешенности. Он не произнес ни слова, лишь его взгляд, холодный и пронзительный, остановился сначала на мне, а потом на Арине. В этом взгляде не было ни просьбы, ни мольбы, лишь абсолютная уверенность и сила, которая заставила воздух вокруг нас сгуститься. А затем он сказал. Его голос, низкий и ровный, прозвучал как приговор: - "Я заберу Арину". Эти слова, произнесенные в тишине, разорвали ткань нашей предрешенной судьбы. В тот момент я поняла, что наша жизнь – это не просто сценарий, написанный кем-то другим. В тот момент я увидела, что даже в самых

крепких узах есть место для неожиданного, для того, что не было запланировано. Взгляд Эдгара, его слова – это был вызов, брошенный самой судьбе, самой нашей предопределенности. Что произошло дальше, я не могу описать словами. Это было столкновение двух миров, двух волей. Мир, где все было расписано, и мир, где одна лишь сила желания могла изменить ход событий. Я видела страх в глазах Максима, замешательство в глазах Олега, но главное – я видела в глазах Арины нечто новое, нечто, чего я никогда раньше не видела: это был страх, настоящий страх, напоминающий безысходность.

Глава 2

В тот день мир остановился. Небо, казалось, замерло, а воздух стал густым и тяжелым, словно пропитанный невысказанным ужасом. Я стояла, парализованная, глядя на то, что еще мгновение назад было Олегом – моим Олегом, моим женихом, тем, кто должен был стать моим мужем, моей опорой, моей жизнью. Он сделал шаг вперед. Этот шаг был полон отваги, решимости, той самой искры, которая всегда восхищала меня в нем. Его голос, обычно такой спокойный и уверенный, дрожал от возмущения, от нежелания видеть несправедливость. Он не мог молчать, когда видел, как Эдгар, этот холодный, безжалостный человек, унижает и оскорбляет. Олег всегда был моим защитником, моей стеной, моей надеждой. И в этот момент он был готов стоять за меня и за мою сестру до конца. Но стоило ему только возразить, как Эдгар поднял руку. Это было не движение угрозы, не удар. Это было что-то иное, что-то, что не поддавалось логике, что-то, что выходило за рамки понимания. И в тот же миг, на глазах у всех, Олег превратился в пепел. Серая, невесомая пыль. Я видела, как она медленно оседала, как легкие частицы поднимались в воздух, подхваченные невидимым дыханием ветра. Это было не просто исчезновение. Это было стирание. Стирание человека, его смеха, его взгляда, его обещаний. Стирание нашей общей истории, наших планов, на-

шей любви. Я помню, как ветер подхватил эту пыль, как она развеялась по ветру, словно несбывшаяся мечта. И в этом развеивании было столько боли, столько отчаяния, столько безысходности. Мечта о нашем будущем, о наших детях, о старости, проведенной вместе – все это теперь было лишь прахом, унесенным прочь. Вокруг меня были люди, их лица были искажены ужасом и недоумением. Но я не видела их. Я видела только то, что осталось от Олега – горстку пепла, которая еще недавно была его сердцем, его душой, его телом. Я чувствовала, как моя собственная жизнь рассыпается на части вместе с ним. Как будто часть меня самой превратилась в этот пепел, унесенный ветром. Эдгар стоял, невозмутимый, словно ничего не произошло. Его сила была не в мышцах, а в чем-то более темном, более древнем. Он обладал властью, которая могла уничтожать, а не созидать. И в тот момент я поняла, что мир, в котором мы жили, был гораздо более жестоким и непредсказуемым, чем я могла себе представить. Теперь я осталась одна. С памятью о том, кто был моим Олегом, и с этим горьким осознанием того, что даже самая сильная любовь, самое искреннее мужество могут быть уничтожены одним движением руки. Олег, мой жених, мой будущий муж, стал пеплом. И этот пепел навсегда останется в моей душе, как напоминание о том, что иногда самые прекрасные мечты могут развеяться по ветру, оставив после себя лишь пустоту и боль. Шок. Ужас. Тишина, которая давила на уши, словно вата, забитая в барабанные перепонки. Мир,

который еще мгновение назад был наполнен смехом, музыкой и обещанием вечной любви, теперь рассыпался на осколки. Я стояла посреди этого хаоса, не в силах пошевелиться, не в силах осознать произошедшее. Мой жених, моя надежда, моя будущая жизнь – все это было уничтожено. И в этой оглушительной тишине, когда реальность казалась невыносимо искаженной, я почувствовала, как чья-то рука толкает меня. Это была моя мать. Ее лицо, обычно такое живое и теплое, сейчас было бледным, словно вымытым изнутри. Но в ее глазах, обычно полных материнской заботы и нежности, горел странный, решительный огонь. Огонь, который я никогда раньше не видела. Он был одновременно пугающим и завораживающим, словно в ней пробудилась какая-то неведомая сила. Она не произнесла ни слова. Ее прикосновение было твердым, но не грубым. Оно было наполнено призывом к действию, который пронзил мою оцепенелость. Она подтолкнула меня. Не назад, не в сторону, а вперед. К нему. К Эдгару. К тому, кто только что уничтожил моего жениха. Мое сердце забилося с бешеной скоростью, заглушая даже эту давящую тишину. Эдгар. Его имя звучало в моей голове как зловещий шепот. Я видела его лицо, искаженное какой-то мрачной триумфальностью, его руки, которые... Я не могла думать об этом. Я не могла смотреть на него. Но рука моей матери была настойчива, ее взгляд – непреклонен. Что она хотела? Зачем она толкала меня к нему, к человеку, который принес столько боли? В моей голове рои-

лись вопросы, но ни один не находил ответа. Я чувствовала себя марионеткой, чьи нити дергала моя мать, заставляя двигаться в направлении, которое казалось мне абсурдным и опасным. Я сделала шаг. Потом еще один. Каждый шаг был борьбой с собственным страхом, с отвращением, с нежеланием приближаться к источнику моего горя. Но взгляд матери, этот решительный огонь в ее глазах, был сильнее. Когда я оказалась совсем близко, я смогла разглядеть его лицо более отчетливо. В нем не было раскаяния, не было сожаления. Только холодная, расчетливая уверенность. Это был высокий статный мужчина на вид 30-35 лет, с коротко подстриженными черными волосами. Его черты были правильными, почти скульптурными, но именно эта идеальность и вызывала тревогу. Ни единой морщинки, ни тени усталости или сомнения. Глаза, глубоко посаженные под темными бровями, казались бездонными, словно в них отражалась лишь пустота, лишенная всяких эмоций. Они смотрели прямо на меня, но не видели. Или, что еще хуже, видели, но воспринимали как нечто незначительное, как часть какого-то сложного, заранее просчитанного плана. Коротко подстриженные черные волосы обрамляли его лицо, подчеркивая резкие линии скул и подбородка. Они были аккуратны, словно выверенные до миллиметра, что только усиливало ощущение его безупречного контроля над собой и ситуацией. Не было ни единого волоска, выбившегося из общего порядка, ни малейшего признака небрежности. Его губы были плотно сжаты, без на-

мека на улыбку или даже простое выражение. Они казались высеченными из камня, готовыми произнести лишь те слова, которые были необходимы для достижения цели. В этой неподвижности таилась угроза, более ощутимая, чем любое открытое проявление агрессии. Я пыталась найти в его взгляде хоть что-то, что могло бы выдать его истинные намерения, хоть малейший проблеск человечности. Но тщетно. Его лицо было маской, за которой скрывался невидимый механизм, работающий с безупречной точностью. Эта уверенность, лишенная всяких моральных ориентиров, пугала больше всего. Она говорила о том, что он не просто совершил поступок, а спланировал его до мельчайших деталей, и теперь, достигнув своей цели, ощущает лишь удовлетворение от безупречно выполненной работы. В этот момент я поняла, что передо мной не просто человек, а воплощение холодной логики, лишенной всяких сантиментов. Его статная фигура, его безупречный внешний вид, его взгляд — все это создавало образ совершенного хищника, который действует без колебаний и без сожалений. И в этой абсолютной уверенности таилась самая страшная опасность. Моя мать не толкала меня к нему в знак примирения или прощения. Она толкала меня к нему, чтобы я увидела. Чтобы я запомнила. Чтобы я поняла, с кем имею дело. В ее глазах я увидела не только решимость, но и боль. Боль матери, которая потеряла дочь в тот момент, когда ее счастье казалось таким близким. И эта боль, смешанная с ее странным огнем, заставила меня почувствовать

что-то новое. Не только страх и ужас, но и зарождающуюся ярость. Тишина все еще давила, но теперь в ней появился новый звук – стук моего собственного – "Ты Арина?" спросил Эдгар. Его вопрос прозвучал как приговор. Эти слова, простые по своей сути, обрушились на меня с такой силой, что я застыла, не в силах вымолвить ни слова. Время остановилось, а вместе с ним и мое дыхание. Страх, холодный и липкий, сковал меня, превратив в ледяную статую, неспособную ни к движению, ни к мысли. Я видела его глаза. Глубокие, как бездонные озера, они казались непроницаемыми, хранящими тайны, которые мне никогда не разгадать. Но в их глубине таилось нечто иное – пламя. Пламя, которое не грело, а испепеляло, сжигая дотла мою уверенность, мою надежду, мою самую сущность. В них не было ни тени сомнения, лишь холодная, абсолютная уверенность хищника, нашедшего свою добычу. И я была этой добычей. Мир вокруг сузился до этой точки, до его взгляда, до биения собственного сердца, которое, казалось, вот-вот вырвется из груди, пытаясь убежать от неминуемой участи. Каждый удар отдавался в ушах оглушительным эхом, заглушая все остальные звуки, все остальные мысли. Я была пленницей этого момента, этого взгляда, этого приговора. Что он спросил? Сейчас это уже не имело значения. Важен был лишь эффект, который произвели его слова, его взгляд. Это было не просто выяснение отношений, не просто вопрос. Это было обвинение, вынесенное без суда и следствия, с заранее известным вердиктом. И я, пойманная

в ловушку его пристального взгляда, не могла ничего противопоставить этой безжалостной силе. В этот момент я поняла, что все мои попытки оправдаться, объяснить, защититься – тщетны. Его глаза видели все, знали все. Они были зеркалом, отражающим мои самые темные секреты, мои самые уязвимые места. И он использовал это знание, чтобы поставить меня на колени. Ледяная статуя, которой я стала, не могла плакать, не могла кричать. Она могла лишь чувствовать, как холод проникает в каждую клеточку тела, замораживая не только плоть, но и душу. Я ждала. Ждала следующего удара, следующего слова, которое окончательно сломит меня. Но пока, в этой звенящей тишине, я была лишь объектом его пристального внимания, его безмолвного триумфа. И этот триумф был страшен. Мать кивнула, подтверждая его правоту. Этот кивок. Всего лишь легкое движение головы, едва заметное, обыденное, как дыхание. Но для меня он стал землетрясением, сотрясшим до основания мой мир, мою реальность, мое понимание всего сущего. Он был не просто подтверждением чьей-то правоты, он был приговором, вынесенным без слов, но с такой силой, что эхом отдавался в моей душе. В материнском взгляде, сопровождавшем этот кивок, не было ни тени сожаления, ни проблеска той безграничной любви, которую я привыкла видеть. Вместо этого – отчаянная, почти звериная надежда. Надежда, которая заставила ее, мою мать, мою опору, мою вселенную, совершить этот, казалось бы, незначительный, но такой разрушитель-

ный жест. Надежда на что? На спасение. На сохранение жизни. Но чьей жизни? И тут меня охватил холод. Чьей дочери она пыталась сохранить жизнь? Неужели той, которую она так долго оберегала, той, чьи детские слезы она вытирала, чьи мечты она лелеяла, вкладывая в них всю свою душу и силы? Неужели той, чье существование было для нее смыслом жизни, чье счастье было ее главным стремлением? Или же, эта надежда была направлена на другую дочь? Ту, которую она теперь готова была отдать, чтобы спасти кого-то другого? Кого-то более ценного в ее глазах? Эта мысль была подобна острому осколку, вонзившемуся в самое сердце. Неужели я стала разменной монетой? Неужели моя жизнь, мои чувства, моя боль – все это ничего не значит по сравнению с чьим-то другим благополучием? Этот кивок обнажил трещину в фундаменте моей жизни. Он показал мне, что любовь, которую я считала незыблемой, может быть условной. Что материнская преданность может иметь свои пределы, свои приоритеты. Что даже самые близкие люди могут быть способны на поступки, которые переворачивают все с ног на голову. Я смотрела на нее, пытаясь найти хоть какой-то отклик, хоть какое-то подтверждение того, что я ошибаюсь. Но ее взгляд оставался застывшим, полным этой жуткой, отчаянной надежды. И в этот момент я поняла, что землетрясение уже произошло. Оно разрушило мой прежний мир, оставив после себя лишь руины и вопросы. Вопросы, на которые, возможно, никогда не будет ответа. Вопросы о том, кто я на

самом деле в глазах своей матери, и какую цену она готова заплатить за жизнь, которая, как оказалось, может быть не только моей. - "Забирайте её," - прошептала она, и этот шепот, как удар хлыстом, отрезвил меня. Впервые за долгие годы я поняла, что для неё я всегда была лишь разменной монетой, той жертвой, которую можно принести, чтобы спасти более ценную жизнь. Слова матери, которые должны были быть щитом, стали клинком, вонзившимся в самое сердце. Вся моя жизнь, все воспоминания о её заботе, о её ласке, о её словах "я тебя люблю" – всё это рассыпалось в прах, обнажив холодную, жестокую правду. Я была не дочерью, а товаром. Не любимым ребенком, а долгом, который нужно погасить. И вот настал момент оплаты. Эдгар, этот незнакомец с глазами-углями, был тем, кто пришел забрать свою долю. Его присутствие, его вопрос, её кивок, её шепот – всё это сплелось в один ужасающий узор, в котором я была лишь пешкой, обреченной на проигрыш. Ледяная статуя начала таять, но не от тепла, а от жгучей боли. Боль от предательства, боль от осознания собственной ничтожности в глазах самого близкого человека. Я смотрела на мать, пытаюсь найти хоть искру прежней любви, но видела лишь отражение своего собственного страха и отчаяния. Её надежда была моей гибелью. Её желание спасти кого-то другого обернулось моим уничтожением. Эдгар сделал шаг вперед. Его рука протянулась ко мне, и я почувствовала холод его прикосновения. Это было не прикосновение человека, а прикосновение судьбы,

неумолимой и безжалостной. Я не могла сопротивляться, не могла кричать. Мой голос был украден страхом, а тело сковано осознанием того, что моя жизнь, моя свобода, моя личность – всё это было отдано за кого-то другого. Тишина, повисшая в воздухе, была гуще любого тумана. Эдгар не проронил ни слова, лишь смотрел на меня. Его взгляд, пронзительный и изучающий, словно пытался проникнуть в самую суть моей души, выискивая там ответ. Но какой ответ он ждал? Признание в чем? Согласие на что? Или, быть может, просто подтверждение того, что я – та самая, которую он должен забрать? Мое тело, скованное ледяным страхом и горьким предательством, не могло выдать ни звука. Горло пересохло, а в голове билась одна, единственная, мучительная мысль: почему я? Почему не Арина, ради которой он явился, ради которой безжалостно оборвал жизнь Олега? В этот момент я почувствовала себя не просто жертвой обстоятельств, а вещью. Бездушной, безвольной вещью, которую можно обменять, отдать, выбросить, когда она перестанет быть нужной. Моя жизнь, мои хрупкие мечты, мои искренние чувства – все это вдруг оказалось ничтожным, лишенным всякого значения. Я была лишь разменной монетой в чужой, жестокой игре, пешкой, которую передвинули по шахматной доске, чтобы спасти королеву. Образ Арины, такой яркий и желанный для Эдгара, стал для меня символом моего собственного ничтожества. Она – цель, она – причина его появления, она – та, ради кого он готов был идти на

все. А я? Я оказалась на пути, помехой, которую нужно было устранить или, что еще хуже, использовать. В его глазах я видела не жалость, не сожаление, а лишь холодный расчет. Расчет, который определял мою дальнейшую судьбу, не спрашивая моего согласия, не учитывая моей воли. Олег... Его имя пронеслось в моей голове, как раскат грома. Его смерть, такая внезапная и ужасная, была лишь ступенькой на пути Эдгара к его истинной цели. И я, невольно оказавшись в эпицентре этой трагедии, стала свидетелем его безжалостности. Теперь же, когда пыль осела, а шок начал отступать, я осознала, что мое собственное существование стало таким же незначительным, как и жизнь Олега. Я – разменная монета. Эта мысль впиалась в сознание, как острый осколок стекла. Мои страхи, мои надежды, моя любовь – все это не имело веса в этой игре. Я была лишь инструментом, средством достижения цели. И самое страшное – я не знала, что будет дальше. Его взгляд не отрывался от меня, словно он ждал, что я сломаюсь, что я признаю свое поражение, что я приму свою роль. В глазах Эдгара я видела не только силу, но и что-то еще. Что-то, что я не могла понять, что ускользало от моего разума, как дымка тумана на рассвете. Была ли это жалость, отблеск сочувствия к моей сломленной душе? Или, быть может, презрение, холодное и отстраненное, как взгляд хищника, оценивающего добычу? А может быть, даже... интерес? Этот последний вариант пугал больше всего, потому что интерес в его глазах казался не просто любопыт-

ством, а чем-то более глубоким, более опасным. Его взгляд проникал в самую душу, словно сканируя меня на предмет чего-то, что он искал, чего-то, что я сама, возможно, еще не осознавала. Я попыталась собраться с мыслями, найти в себе хоть каплю храбрости, чтобы ответить ему, чтобы спросить, почему он здесь, чего он хочет. Мой разум метался, пытаюсь ухватиться за хоть какую-то нить логики в этом хаосе, но страх сковал меня ледяными цепями. Слова застряли в горле, задушенные не только страхом, но и всепоглощающим отчаянием. Отчаянием от потери, от разрушения, от того, что мир, который я знала, рухнул в одночасье. Вместо слов из моих глаз потекли слезы. Тихие, беззвучные слезы, которые выдавали всю мою боль и беспомощность. Они были не криком, не мольбой, а лишь безмолвным свидетельством моей внутренней пустоты. Я стояла перед ним, в белом платье, которое еще недавно символизировало чистоту и надежду, но теперь было испачкано пеплом Олега, пеплом моей жизни, и чувствовала себя абсолютно пустой. Пустой, как выжженная земля после пожара, как опустевший дом, где больше не звучит смех. Его взгляд оставался неизменным, словно он наблюдал за мной, как за интересным экспериментом. Я не знала, что он видел в моих слезах – слабость, которую он мог использовать, или, наоборот, нечто, что вызывало у него странное, непонятное чувство. В этот момент я была лишь оболочкой, наполненной горем, и единственным, что оставалось, было это безмолвное, мучительное присутствие

его взгляда, который, казалось, знал обо мне больше, чем я сама. И в этой неизвестности, в этой бездне непонимания, я чувствовала себя еще более уязвимой, еще более потерянной. Эдгар молчал, и это молчание было не просто отсутствием звука, а целым миром невысказанных эмоций, тяжелых, как камни, брошенные в бездну. Оно давило сильнее любого крика, проникая в самые потаенные уголки души, заставляя сердце биться в тревожном ритме. Я ждала, затаив дыхание, словно ожидая приговора, или, быть может, чуда. Его рука медленно протянулась ко мне. В этот момент мир сузился до этого движения, до этой протянутой конечности, которая казалась мне предвестником чего-то рокового. Я вздрогнула, готовясь к прикосновению, которое, как я боялась, обожжет меня словно пламя, оставив неизгладимый след на моей коже и в моей памяти. Но вместо ожидаемого огня, его пальцы коснулись моей щеки. Легкое, почти невесомое касание. Оно было настолько нежным, настолько неожиданным, что заставило меня вздрогнуть еще сильнее. Это было прикосновение, которое не причиняло боли, но проникало глубже, чем любая рана. Оно было полно сочувствия, понимания, чего-то, что я не могла сразу расшифровать, но что уже начало таять лед в моей душе. - "Как тебя зовут?" – повторил вопрос Эдгар. Его голос, вблизи, оказался совсем не таким пугающим, как я ожидала. Вместо громогласного рокота, который я представляла, я услышала глубину, усталость, даже какую-то тень печали. Это был голос человека, который мно-

гое повидал, который нес на своих плечах непосильную ношу. И в этом голосе, в этой тихой мелодии, я почувствовала не угрозу, а скорее отголосок моей собственной боли. Слезы продолжали катиться по моим щекам, смешиваясь с пеплом, который, казалось, осел на всем вокруг. Они оставляли грязные разводы на моем свадебном платье, превращая белоснежную ткань в холст моей скорби. Каждая слеза была маленькой историей, рассказом о несбывшихся мечтах, о разрушенных надеждах. -«Арина» – прошептала я, и этот тихий звук, казалось, разорвал тишину комнаты на части. Он был произнесен не просто так, а с какой-то неведомой мне силой, с отчаянием, которое я сама не до конца осознавала. В тот момент, когда мое имя слетело с губ, мир вокруг меня словно замер. Внезапно, он сделал шаг назад, словно отпрянул от чего-то невидимого. Его взгляд, до этого спокойный и изучающий, стал еще более пристальным, пронзительным. Казалось, он пытался разглядеть меня насквозь, найти что-то, что скрывалось за привычным обликом. -«А-р-и-н-а» – произнес он, словно пробуя имя на вкус. В его голосе послышалось удивление, смешанное с чем-то еще, чего я не могла определить. Будто он ожидал услышать другое имя, другое звучание, которое соответствовало бы его представлениям. Это было не просто произнесение имени, а целое исследование, попытка сопоставить услышанное с тем, что он видел. -«Ты уверена, что ты Арина?» – этот вопрос, заданный с такой неожиданной прямоотой, застал меня врасплох. Он был

как удар под дых, как внезапное пробуждение от долгого сна. В его словах звучала не просто просьба о подтверждении, а сомнение, которое заставило меня усомниться в самой себе. Я попыталась выдавить из себя хоть звук, но горло словно сдавило невидимой рукой. Слова застряли где-то внутри, не находя выхода. Страх, который до этого дремал, теперь пробудился и сковал меня. Вместо ответа я лишь кивнула, надеясь, что этого будет достаточно, что мой молчаливый кивок сможет передать всю сложность моих чувств, всю мою растерянность. Я видела, как на лице Эдгара появляется какая-то тень. Это была не просто мимолетная эмоция, а целая гамма чувств, отражающаяся в его глазах. Тень разочарования, возможно, или даже обмана. Он, казалось, ожидал чего-то другого, чего-то более... настоящего? Или, может быть, он увидел в моем молчании подтверждение своих собственных догадок, которые я сама еще не успела сформулировать. Он снова посмотрел на мою мать. В ее глазах плескался страх и облегчение одновременно. Страх от того, что правда может быть раскрыта, что ее тщательно выстроенная стена может рухнуть. И облегчение от того, что, возможно, этот момент настал, что завеса тайны наконец-то приподнята. Она тоже чувствовала напряжение, видела, как ситуация выходит из-под контроля. -«Хорошо» – коротко бросил Эдгар. Это слово, произнесенное им, было лишено всякой теплоты. Оно звучало как приговор, как окончательное решение, принятое в тишине его собственных мыслей. В этом «хорошо» не было

ни согласия, ни понимания. Была лишь констатация факта, который, казалось, не принес ему никакой радости.

Глава 3

Неделей ранее....Марина стояла на пороге дома, сердце ее колотилось в груди, как пойманная птица. Перед ней, словно призрак из кошмара, стояла Арина, ее сестра-близнец, чьи слова звучали как приговор.-«Арина, это же равносильно смерти!» – вырвалось у Марины, но голос ее был слаб, заглушенный равнодушной уверенностью сестры.-«А ты уж постарайся вернуться... ничем не могу помочь», – ответила Арина, ее взгляд был холоден, как лед. В нем не было ни страха, ни жалости, только какая-то странная, пугающая решимость. Марина знала, что Арина не просто так согласилась на этот безумный спор. Она знала, что ее сестра, ее собственная кровь, подставила ее.-«Оттуда не возвращаются... Это владение Эдгара!» – снова попыталась Марина, но слова ее повисли в воздухе, не находя отклика. Эдгар. Имя, которое шепотом произносили даже самые смелые. Хозяин Запретного леса, чьи владения были окутаны мраком и легендами. Место, откуда, как говорили, не возвращаются.-«Марина, я поспорила с Олегом, что пойду с ним за сон-травой. Не зря же ты моя сестра-близнец, поэтому хочешь ты этого или нет, тебе придется меня подменить», – произнесла Арина, и в ее голосе прозвучала стальная нотка, не терпящая возражений. Мольба в голосе Марины тонула в равнодушной уверенности Арины. Слова сестры звучали, как смерт-

ный приговор. Олег появился словно неоткуда и протянул руку. Марина смотрела на Олега, на его широкую, уверенную улыбку, и понимала, что пути назад нет. Она должна идти. Должна играть роль Арины, сестры, которая, казалось, без колебаний обрекла ее на верную гибель. Запретный лес манил своей тайной, но страх перед ним был ничто по сравнению с предательством сестры. - «Ну что, Арина, готова?» - спросил он, и в его глазах мелькнул огонек, который Марина не могла расшифровать. Была ли это просто жажда приключений, или что-то более зловещее? Марина кивнула, стараясь не выдать дрожи в коленях. Она сделала шаг вперед, навстречу неизвестности, навстречу Запретному лесу. В ее голове звучали слова Арины, словно заклинание: - «Ты моя сестра-близнец, поэтому хочешь ты этого или нет, тебе придется меня подменить». И Марина, обманутая и преданная, шла в лес, где ее ждала не только сон-трава, но и тень ее собственной сестры. Луна взошла, освещая бледным светом поляну перед лесом. Олег ждал, сияя от предвкушения приключения. Марина, закутанная в плащ Арины, чувствовала себя предателем. Предателем себя, Олега, самой жизни. Глубокий вдох, словно прощание с привычным миром, и Марина шагнула вслед за Олегом в непроглядную темноту. Лес, до этого казавшийся лишь декорацией, ожил, приветствуя их шепотом листвы, словно древний страж, пробудившийся от долгого сна. Каждый треск сучьев под ногами звучал как предвестие, как отсчет последних мгновений спокойствия.

Казалось, каждый шаг был шагом в могилу, в бездну, где реальность смешивалась с тенями прошлого. Старинные деревья, могучие и молчаливые, возвышались над ними, словно готические соборы, их ветви сплетались в единый темный полог. Лунный свет, пробиваясь сквозь эту живую завесу, лишь подчеркивал мрак, создавая причудливые узоры на земле, похожие на зловещие письма. Воздух стал плотнее, насыщенный запахом сырой земли, прелой листвы и чего-то неуловимо тревожного. Постепенно, словно под воздействием этой первобытной атмосферы, Марина стала замечать изменения в Олеге. Его обычная самоуверенность, его легкая ирония, казалось, таяли под влиянием темных теней и неясных звуков леса. В его глазах, обычно спокойных и уверенных, появился тревожный блеск, отражающий не только сумрак вокруг, но и внутреннее смятение. Он стал чаще оглядываться, его движения стали более резкими, менее уверенными. Марина чувствовала, как нарастает напряжение, как невидимая нить опасности натягивается между ними и этим древним, таинственным местом. Она ощущала приближение чего-то неизбежного, чего-то, что могло изменить их жизни навсегда. Но отступать было поздно. Лес уже принял их, затянув в свои объятия, и теперь путь лежал только вперед, вглубь этой пугающей, но манящей неизвестности. Каждый шорох, каждый вздох ветра казался предзнаменованием, и Марина, сжимая руку Олега, готовилась встретить то, что скрывалось в этой непроглядной тьме. Вскоре они углуби-

лись в самую чащу. Олег остановился, вглядываясь в темноту. - "Арина, ты уверена, что знаешь дорогу?" - прозвучало в его голосе сомнение. Марина кивнула, стараясь не выдать дрожь. Она понятия не имела, куда идет, но знала, что нужно сохранять видимость уверенности. Внезапно, впереди, между деревьями, возникло слабое свечение. Олег ожил: - "Кажется, это то самое место!" Они осторожно приблизились, каждый шаг отдавался эхом в густой тишине леса. Воздух был пропитан запахом влажной земли и прелой листвы, а солнечные лучи, пробиваясь сквозь плотное переплетение ветвей, рисовали на земле причудливые узоры. Олег, всегда более решительный, шел впереди, его взгляд внимательно изучал каждый шорох, каждый треск ветки под ногами. Марина, следуя за ним, чувствовала легкое волнение, смешанное с предвкушением чего-то необычного. Лес манил своей таинственностью, обещая открыть свои секреты тем, кто осмелится заглянуть в его самые темные уголки. Внезапно, впереди, сквозь переплетение ветвей, возникло слабое мерцание. Олег замер, и Марина почувствовала, как его рука судорожно сжала ее. Это было не просто отражение света, не игра теней. Мерцание было живым, пульсирующим, словно крошечное сердце, бьющееся в глубине леса. Они стояли, словно зачарованные, не в силах отвести глаз от источника света. Страх смешался с любопытством, заставляя их сердца биться быстрее. Постепенно, по мере того, как они приближались, мерцание обретало форму. Это

была поляна, залитая мягким, призрачным светом. В центре ее, словно драгоценный камень, рос куст, усыпанный нежными, светящимися цветами. Их лепестки излучали мягкое, голубоватое сияние, освещая поляну изнутри. Марина узнала их — это была та самая сон-трава, о которой она читала в старых легендах. Говорили, что ее цветы обладают удивительной красотой и способны погружать в глубокий, зачарованный сон. Но красота поляны оказалась обманчивой. Стоило им сделать еще несколько шагов, как они почувствовали, что что-то не так. Вокруг поляны росли скрюченные, словно в муках, деревья. Их ветви извивались в неестественных позах, напоминая искаженные фигуры, застывшие в вечном страдании. Листья на них были блеклыми и сухими, словно выпитые досуха. А воздух был пропитан странным, тяжелым запахом — сладковатым, но с оттенком чего-то гнилостного, вызывающим легкое головокружение. Внезапно Олег остановился, схватив Марину за руку. Его пальцы впились в ее кожу, и она почувствовала, как его тело напряглось. Его взгляд был прикован к поляне, но теперь в нем читался не восторг, а тревога. Он что-то увидел, что-то, что изменило его восприятие этой зловещей красоты. Марина последовала за его взглядом, пытаясь разглядеть то, что так испугало Олега. И тогда она заметила. Среди светящихся цветов, на земле, лежали тени. Тени, которые не соответствовали ни одному из деревьев, ни одному из кустов. Тени, которые казались... человеческими. Они были призрачными, но отчет-

ливыми, словно отпечатки тех, кто когда-то попал под чары сон-травы и остался здесь навсегда, погруженный в вечный, безмолвный сон.- "Кажется, нам не стоило сюда приходить Арина" прошептал он, оглядываясь по сторона - "Я чувствую чье-то присутствие." Марина ощутила, как по ее спине пробежал холодок. Она тоже чувствовала это – леденящее душу ощущение, будто за ними наблюдают. Тишина сгустилась, становясь почти осязаемой. Олег вздрогнул.- "Это он"- пробормотал Олег, словно загипнотизированный - "Легенды не врут. Эдгар существует." Марина сжала руку Олега, пытаясь придать ему храбрости, хотя ее собственная дрожала от страха. Из темноты, словно порожденный самим лесом, появился силуэт. Высокий с горящими красными глазами. Эдгар. Его лицо скрывала тень, но Марина чувствовала его взгляд, полный голода и злобы.- "Зачем вы пришли в мои владения?" – прорычал он голосом, от которого кровь стыла в жилах.- "Сон-трава не для вас." Олег, казалось, оцепенел от страха, не в силах произнести ни слова. Марина, собрав остатки мужества, выступила вперед.- "Мы просто заблудились", – солгала она, надеясь, что Эдгар поверит.- "Мы не знали, что это ваши земли." Эдгар усмехнулся, и этот звук заставил Марину содрогнуться.- "Ложь" – выплюнул он. Эдгар сделал шаг вперед, и Марина невольно отшатнулась. Чувствуя отчаяние, она попыталась отвлечь его внимание, заговорив как можно более уверенно:- "Мы уйдем прямо сейчас. Просто позвольте нам пройти." Эдгар на мгновение замер,

словно обдумывая ее слова. Затем его взгляд скользнул по Олегу, который все еще стоял, не в силах пошевелиться. В глазах Эдгара вспыхнул зловещий огонек. - "Уйти? Нет, это слишком просто. Вы нарушили мой покой, и за это придется заплатить". Его голос был полон угрозы. Он протянул руку, и Марина почувствовала, как ее охватывает ледяной ужас. Она понимала, что это конец. Но вдруг Олег, словно очнувшись от оцепенения, шагнул вперед, заслоняя Марину. - "Не трогай ее!" - выкрикнул он, и в его голосе прозвучала отчаянная решимость. Эдгар презрительно посмотрел на Олега: - "Ты заплатишь за свою дерзость", - прорычал он и взмахнул рукой. Вокруг Олега начали сгущаться тени, обволакивая его, словно саван. Марина в ужасе наблюдала за происходящим, чувствуя, как бессилие сковывает ее. Она понимала, что если не предпримет что-то немедленно, Олег погибнет. В голове промелькнула безумная мысль. Рискнув всем, Марина бросилась вперед и, схватив горсть светящихся цветов сон-травы, бросила их в лицо Эдгару. Неожиданно для всех, цветы вспыхнули ярким светом, ослепив Эдгара. Он отшатнулся, зарывав от боли и ярости. Это был их шанс. Марина, схватив Олега за руку, побежала прочь, не оглядываясь. Темнота, окутывавшая Олега, начала рассеиваться, словно отступила под натиском света. Марина чувствовала, как его рука судорожно сжимает ее. Они бежали сквозь лес, спотыкаясь о корни деревьев и продираясь сквозь колючие кусты. Страх гнал их вперед, не давая остановиться и отдышаться. В ушах

звенело от собственного дыхания и треска сломанных веток под ногами. Наконец, обессиленные, они добрались до своего поселения. Они были живы, и это было самым главным. Но она знала, что Эдгар не оставит их в покое.

Глава 4

Настоящее время

Его пальцы, только что касавшиеся моей щеки, отстранились так резко, будто само прикосновение оказалось нежелательным, мимолетным порывом, о котором он тут же пожалел. Эдгар отвернулся, его взгляд скользнул по присутствующим, словно он оценивал их значимость, их готовность к тому, что должно было произойти. В его движениях читалась уверенность, граничащая с высокомерием, власть, которая не нуждалась в доказательствах.— "Свадьба отменяется" — произнес он. Его голос, лишенный всякой эмоции, прозвучал как удар грома в тишине. Слова, словно острые лезвия, рассекли воздух, обрывая нити надежд и ожиданий. По толпе пронесся шепот, перерастая в ропот возмущения, но Эдгар оставался невозмутим, будто не замечал чужих чувств.— "Арина... пойдет со мной." Его слова стали ударом, оглушающим и лишаящим воли. Мои ноги словно приросли к полу, не в силах сдвинуться с места. Страх парализовал меня, лишая возможности сопротивляться. Я не видела в его глазах ни любви, ни нежности, лишь холодный расчет и неумолимую волю. Моя судьба, казалось, была решена без моего согласия, без права на выбор. Эдгар протянул мне руку, приглашая, а точнее, приказывая следовать за ним. В его взгляде не было мольбы, лишь уверенность в том, что я подчи-

нюю. Я смотрела на его руку, словно на змею, готовую ужалить, но не решалась прикоснуться. Во мне боролись страх и отчаяние, но отчаяние постепенно одерживало верх. Что ждет меня в его мире, я не знала, но оставаться здесь, после всего случившегося, было невозможно. Собрав последние остатки воли, я сделала шаг вперед и вложила свою руку в его. Его хватка оказалась сильной, крепкой, словно он боялся, что я передумаю. Он повел меня сквозь толпу, расталкивая людей, словно препятствия на пути. Никто не осмелился остановить его, никто не посмел возразить. Мы вышли из церкви под пристальными взглядами, полными страха, зависти и осуждения. Впереди меня ждала неизвестность, полная опасностей и тайн, но я знала, что обратного пути уже нет. У самого порога храма нас уже ждала повозка. Она была черной, как ночь, и запряжена парой коней. Кучер, словно тень, бесшумно отворил дверцу. Эдгар, с холодной отстраненностью в каждом движении, помог мне сесть. Скрип колес – и мы тронулись, оставляя позади шум праздника и все, что было до этого момента. За окном городские силуэты расплывались, словно тающие в вечернем тумане воспоминания. Внутри кареты царил полумрак, бархатная обивка стен создавала ощущение уюта, смешанное с тревогой. Эдгар же молчал, будто я была лишь призраком в его жизни. Я боялась нарушить эту гнетущую тишину, опасаясь услышать слова, которые развеют последние надежды. Время текло невыносимо медленно. Закат окрасил небо в кровавые оттенки, и в

стеклах отражались мерцающие огни факелов, освещавших путь. Вскоре мы свернули с широкой дороги на узкую лесную тропу. Ветви деревьев сомкнулись над нами, образуя темный полог, скрывающий звезды. - "Арина, теперь ты не выглядишь такой же смелой, как в лесу, когда ворвалась в мои владения", – произнес Эдгар с ехидной улыбкой. Его слова, резкие и обжигающие, словно кнут, вывели меня из ступора. Я подняла взгляд, и наши глаза встретились. Его взгляд был ледяным, пронзительным, лишенным всякой теплоты. - "Эдгар, смелость и безрассудство – это разные вещи. Тогда я действовала ради дорогих мне людей. А сейчас..." Я замолчала, не желая признавать свое бессилие. - "А сейчас ты моя, Арина. И тебе придется смириться с тем, что ты в моей власти. Забудь ту дикарку, что носилась по лесам. Здесь тебе придется играть совсем другую роль." В его голосе звучала сталь, а в глазах мелькнула тень угрозы. Карета остановилась. Возница распахнул дверцу, и в лицо ударил влажный лесной воздух. Перед нами возвышался мрачный замок, словно выросший из самой земли. Его темные башни терялись в небе, а вокруг простиралась непроглядная тьма. Это место казалось воплощением самого страшного кошмара, и я осознала, что моя прежняя жизнь осталась где-то далеко позади. Эдгар вышел из кареты и, не произнеся ни слова, протянул мне руку. Я колебалась, но выбора не было. Взяв его за руку, я почувствовала пронизывающий до костей холод. Мы направились к массивным воротам, которые с глухим

скрипом отворились, впуская нас в царство тьмы и отчаяния. Эдгар повел меня внутрь, в свой мир, где правила бал тьма. Я чувствовала, как страх сковывает меня все сильнее, но отступить было уже поздно. Будущее, каким бы оно ни было, ждало меня здесь, в этом мрачном замке. Внутри замка царил полумрак. Факелы едва освещали каменные стены, украшенные гобеленами с изображением сцен охоты и рыцарских турниров. Казалось, что за каждым углом таится чья-то тень, готовая выскочить и утащить в бездну. Слуги, скользившие по коридорам, словно призраки, не произносили ни звука, их глаза были опущены, а на лицах застыло подобие трагической маски. Эдгар провел меня в огромный зал, где был накрыт стол на две персоны. Серебряные канделябры отбрасывали дрожащие тени на лица, делая их еще более зловещими. Он усадил меня за стол, но сам остался стоять, словно статуя. - "Ужинай," – сухо произнес он, и его голос эхом разнесся по залу. Я не могла ничего проглотить. Комната давила своей тяжестью, каждый предмет казался напитанным мрачной историей. Я чувствовала себя пленницей в этом замке, игрушкой в руках Эдгара. В его глазах не было ни любви, ни сочувствия, только холодный расчет и какая-то необъяснимая печаль. После ужина Эдгар проводил меня в мою комнату. Она была огромной и роскошной, но не приносила утешения. Огромная кровать с балдахином, шелковые обои, антикварная мебель – все это казалось бутафорией, призванной скрыть истинную суть этого места. - "Запом-

ни с двенадцати ночи до шести утра выходить с комнаты нельзя!" Когда Эдгар ушел, я подошла к окну. Замок возвышался над окрестностями, словно мрачный страж. Луна едва пробивалась сквозь облака, и все вокруг было окутано злобещей тишиной. Я чувствовала, что моя прежняя жизнь закончилась, и впереди меня ждет что-то страшное и неизведанное. С трудом дождавшись полуночи, я вслушалась в тишину замка. Казалось, даже ветер затих, боясь нарушить покой этого места. Ночь словно сгустилась вокруг, проникая в комнату сквозь щели в окнах. Любопытство и тревога боролись во мне, подталкивая к нарушению запрета Эдгара. Что такого страшного могло случиться между полуночью и рассветом? Осторожно приоткрыв дверь, я выглянула в коридор. Он был погружен в кромешную тьму, лишь вдалеке мерцал редкий факел, отбрасывая причудливые тени. Решившись, я вышла из комнаты и, стараясь не шуметь, двинулась по коридору. Сердце бешено колотилось в груди, каждый шорох заставлял вздрагивать. Внезапно вдалеке послышался тихий шепот. Я прижалась к стене, пытаясь разобрать слова, но тщетно. Шепот становился все громче, приближаясь ко мне. В ужасе я отступила назад, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Неужели это те самые призраки, о которых шептались слуги? Внезапно стены замка затрещали из них словно выросли ветки каких-то странных растений и потянулись ко мне. Забыв об осторожности, я рванулась обратно в комнату, но ветви, словно живые, преградили мне путь. Они об-

вивались вокруг моих ног, сковывали движения, царапали кожу колючками, словно пытаюсь удержать меня. В панике я закричала, надеясь, что Эдгар услышит меня, но мой голос потонул в нарастающем шуме трескающихся стен и шелесте листьев. Я отчаянно пыталась вырваться, но ветви сжимались все сильнее, причиняя невыносимую боль. В глазах потемнело, я почувствовала, как теряю сознание. В последний момент, сквозь пелену боли и страха, я увидела, Эдгара. Его лицо исказилось от ужаса, он бросился ко мне, пытаюсь освободить меня из плена этих жутких растений. С невероятным усилием ему удалось разорвать несколько ветвей, но их становилось все больше, они наступали со всех сторон. Эдгар оттолкнул меня к двери моей комнаты и захлопнул ее, забаррикадив ее изнутри. Я слышала, как он отбивается от растений, как они царапают и ломают дверь. Затем все стихло. Обессиленная, я сползла по стене на пол, задыхаясь от страха и боли. Что это было? Что происходит в этом замке? И что стало с Эдгаром? Я больше не сомневалась, что в стенах этого дома скрыта страшная тайна, и я, сама того не желая, оказалась втянута в нее. Оставалось только ждать рассвета и надеяться, что до этого момента я останусь в живых. С рассветом я осторожно открыла дверь. То, что я увидела, повергло меня в еще больший ужас. Коридор был завален обломками мебели и сорванными обоями. Повсюду торчали острые концы сломанных ветвей, словно зловещие копья. Но Эдгара нигде не было. Я с трудом поднялась и, шата-

ясь, побрела по коридору. В каждой комнате меня ждала одна и та же картина разрушения и запустения. Казалось, что весь замок подвергся нападению неведомой силы. Я звала Эдгара, но в ответ слышала лишь зловещую тишину. Я спустилась в низ в гостиную и замерла от удивления. В гостиной был накрыт стол. Эдгар сидел за столом и спокойно завтракал. Увидев меня он прищурился и сказал: - "Арина присаживайся, позавтракай со мной" Мои ноги словно приросли к полу. Как такое возможно? Вокруг хаос и разруха, а он сидит здесь, как ни в чем не бывало, и предлагает мне позавтракать. Я не могла пошевелиться, не могла произнести ни слова. Только с ужасом смотрела на Эдгара, ожидая, что он скажет или сделает что-то, что объяснит происходящее. - "Что случилось Арина, когда вчера ты нарушала мой запрет ты не думала так долго? А ведь единственное что от тебя требовалось это не выходить с комнаты до рассвета !" Голос Эдгара прозвучал резко, как удар хлыста, вырвав меня из оцепенения. Я сглотнула, пытаюсь выдавить из себя хоть слово, но горло пересохло от страха. - "Я... Я не понимаю, что происходит," - прошептала я, чувствуя, как дрожат колени. "Что случилось с замком?" Эдгар вздохнул, отложил столовые приборы и посмотрел на меня с каким-то странным укором. - "Ты, Арина, случилась. Твоё любопытство, твоё непослушание. Я предупреждал тебя, что в этом замке есть силы, которые лучше не тревожить. Твоё ночное приключение разбудило их." Он встал из-за стола и подошел ко мне. В его

глазах читалась не столько злость, сколько усталость. - "Каждую ночь, с заходом солнца, этот замок меняется. Он вспоминает прошлое, оживляет старые раны. Я наложил на тебя защиту, пока ты находилась в своей комнате. Но, покинув её, ты лишилась её. Теперь тебе придётся принять последствия." Эдгар взял мою руку и повёл к столу. - "Садись, тебе нужно набраться сил, потом мы с тобой должны посетить одно очень важное место".

Глава 5

Я села за стол, не в силах сопротивляться. Ноги подкашивались, а в голове гудело, словно в улье. Эдгар был спокоен, эталон невозмутимости, но я чувствовала, что внутри него бушует буря, такая же разрушительная, как та, что обрушилась на замок прошлой ночью. Завтрак был подан, но я не могла прикоснуться к еде. Аромат свежееиспеченного хлеба и жареного мяса, обычно такой манящий, сейчас вызывал лишь тошноту. В животе все скрутилось в тугой узел от страха и непонимания. Что произошло? Что будет дальше?-"Кушай, Арина. Тебе понадобится много сил", – повторил Эдгар, его голос звучал мягче, чем прежде. В нем проскользнула нотка... заботы? Или это лишь иллюзия, порожденная моим испуганным сознанием?Я взяла кусок хлеба и машинально откусила. Сухой, безвкусный, он застревал в горле, словно предчувствие беды. В голове проносились обрывки ночных событий, сплетаясь в кошмарный сон. Взрывы, крики, мелькающие тени, и Эдгар... Эдгар, сражающийся с чем-то невидимым, с яростью, которую я никогда в нем не видела.После завтрака Эдгар повел меня по коридорам замка. Разрушения были повсюду: обвалившаяся штукатурка, разбитые витражи, покореженные доспехи. Но слуги, словно муравьи, уже принялись за уборку. Их движения были отточены, лица бесстрастны, словно они привыкли к таким переменам, словно

это было обыденностью в этом проклятом месте. Я шла, спотыкаясь, цепляясь за рукав Эдгара, чувствуя себя маленькой и потерянной в этом хаосе. Мы вышли во двор, где нас ждал конь, запряженный в небольшую повозку. Солнце слепило глаза, но не приносило тепла. Эдгар помог мне забраться внутрь и сам сел рядом. Я смотрела на его профиль, пытаюсь разгадать, что скрывается за этой маской спокойствия. Куда мы едем? Что меня ждет? Вопросы роились в голове, но я не решалась их задать. Страх сковал меня, лишил голоса. Повозка тронулась, и замок, величественный и разрушенный, начал удаляться. Я смотрела на него, как на клетку, из которой меня выпускают, но в то же время, как на дом, который я, возможно, больше никогда не увижу. И в этом противоречии крылась самая страшная правда: я не знала, чего бояться больше – остаться или уехать. Я не знала, что ждет меня за пределами этих стен, но знала одно: моя жизнь уже никогда не будет прежней. Мы приблизились к поляне. Сердце забилося быстрее, ведь это была та самая поляна, где впервые встретились наши взгляды, где росла сон-трава, окутанная тайной и опасностью. Помню, как тогда, в первый раз, я увидела Эдгара. Его глаза горели яростью, когда он хотел лишить меня жизни лишь за то, что я протянула руку к нежному цветку сон-травы. Казалось, сама природа вокруг была на его стороне – огромные деревья возвышались, словно стражи древних тайн, их кроны скрывали небо. Но сегодня что-то изменилось. Среди вековых гигантов, у самой кромки по-

ляны, я заметила несколько недавно высаженных саженцев. Они стояли там, хрупкие и одинокие, словно забытые дети. Их тонкие стволы были поникшими, листья – блеклыми и потрепанными. Недоумение охватило меня. Кто мог посадить их здесь, в этой дикой чаще, обрекая на верную гибель? Мне стало их жаль, их печальный вид вызывал щемящее чувство в груди. Эдгар, всегда чуткий к малейшим изменениям в моем настроении, заметил мое состояние. Его взгляд, обычно полный скрытой силы, теперь был пронзительным. – "Тебя наверно удивляет, кто и зачем посадил эти саженцы в чаще леса?" – его голос звучал ровно, но в нем чувствовалась скрытая напряженность. – "Да," – честно призналась я, не отрывая взгляда от жалких ростков. – "Мне кажется, их обрели на верную гибель." В этот момент его лицо исказилось. Ярость, которую я помнила с первой встречи, вернулась, но теперь она была направлена не на меня, а на что-то другое, что я пока не могла понять. – "Это сделала ты, Арина! Их убила ты!" – прорычал он, и его слова ударили меня, как ледяной ветер. – "Я... я этого не делала!" – мой голос дрогнул. Я не могла поверить услышанному. Как я могла убить эти невинные растения? – "Эти саженцы," – продолжил Эдгар, его голос стал глубже и мрачнее, – "это те люди, которые защищали тебя вчера. Если бы ты не ослушалась меня, если бы ты не пошла против моей воли, они бы сейчас были живы!" Мир вокруг меня пошатнулся. Слова Эдгара звучали как приговор, как обвинение, которое я не могла ни принять, ни опроверг-

нать. Люди, которые защищали меня... живые люди... превратились в эти жалкие саженьцы? Это было невыносимо, чудовищно. - "Этого не может быть... я тебе не верю!" - вырвалось из меня, полный отчаяния протест. - "Не веришь?!" - его глаза вспыхнули, и в них отразилась вся боль и гнев, которые он, видимо, носил в себе. - "Сейчас мы это исправим!" Он схватил меня за руку, его хватка была железной, и потащил к одному из саженьцев. Прижимая мою дрожащую руку к шершавому, слабому стволу, он заставил меня почувствовать его хрупкость, его незащищенность. В этот момент я почувствовала не только холод дерева, но и леденящий ужас от слов Эдгара. Поляна сон-травы, место моей первой встречи с ним, теперь стала местом, где мне предстояло столкнуться с последствиями своих поступков, с призраком вины, который, казалось, обрел плоть в этих несчастных саженьцах. Я вскрикнула от неожиданности, когда кора молодого деревца опалила мою ладонь. Боль была невыносимой, словно я чувствовала, как угасает жизнь. Слезы брызнули из глаз, смешиваясь с грязью на коре. Я пыталась вырваться, но хватка Эдгара была железной. - "Чувствуешь? Это их боль, Арина. Боль тех, кто погиб, защищая тебя от тьмы, которую ты сама же и привлекла." Его голос был полон горечи и разочарования. Я смотрела на саженец, и мне казалось, что он увядает прямо на глазах. С каждым мгновением боль усиливалась, достигая невыносимого предела. Я начала задыхаться, словно воздух стал плотным и тяжелым. В голове всплывали ли-

ца людей, которых я видела вчера в замке. Они улыбались, говорили, жили... И теперь они мертвы из-за меня. Эдгар отпустил мою руку, и я рухнула на землю, обессиленная и раздавленная. Ладонь горела огнем, но это ничто по сравнению с тем, что творилось в моей душе. Я подняла взгляд на Эдгара, в его глазах не было ни капли милосердия. - "Запомни это, Арина. Каждый раз, когда ты будешь думать о том, чтобы послушаться меня, вспомни эту боль. Вспомни, что твои действия имеют последствия, и они могут быть смертельными." Он развернулся и направился к повозке, оставив меня одну на поляне, наедине со своим горем и виной. Я лежала на земле, не в силах пошевелиться. Боль пульсировала в ладони, отдаваясь в висках. Каждое воспоминание о погибших жгло сильнее огня на моей коже. Я чувствовала себя грязной, никчемной, виновной в их смерти. Как я могла быть такой наивной и беспечной? Почему не послушала Эдгара? Теперь невинные люди заплатили за мою глупость своими жизнями. Внутри меня росло отчаяние, подобное ядовитому плющу, обвивающему сердце. Я хотела кричать, но горло сдавливало, словно невидимая рука. Слезы текли по щекам, оставляя грязные разводы на лице. Я заслужила эту боль, заслужила все страдания, которые обрушились на меня. С трудом поднявшись на ноги, я посмотрела на саженец. Он действительно выглядел увядшим, словно вместе с ним и во мне угасла жизнь. Я протянула руку, чтобы коснуться его, но тут же отдернула. Я боялась причинить ему еще больше вреда. Этот

ожог на ладони стал не просто физической раной, а клеймом на моей душе. Он напоминал о моей слабости, о моей ошибке, о цене, которую заплатили другие за мою неосторожность. В этот момент я поняла, что мир не так прост, как казался. Что за каждым выбором стоит ответственность, и что иногда эта ответственность может быть непосильной. Я была сломлена, но в этой сломленности зарождалось новое, горькое понимание. Понимание того, что я должна научиться жить с этой болью, с этой виной, и никогда больше не позволить себе повторить подобную ошибку. Ведь теперь я знала, что за тьмой, которую я привлекла, стоят не только мои страдания, но и жизни тех, кто был готов отдать свои, чтобы защитить меня. И это знание было самым страшным ожогом из всех. Вдалеке слышался стук колес. Этот звук, некогда предвещавший возвращение домой, теперь звучал как приговор. Эдгар ждал меня. Он был здесь, чтобы забрать меня, чтобы я предстала перед теми, кого я так жестоко обидела. Я должна была встать и идти. Я должна была принять свою вину и понести наказание. Но как жить дальше с этим грузом на сердце? Как смотреть в глаза тем, кто потерял близких из-за меня? Сбрав последние силы, я направилась к повозке. Каждый шаг давался с трудом, словно на ногах были кандалы. Боль в руке, раненой в тот роковой день, немного стихла, но душевная боль оставалась невыносимой. Я знала, что эта боль останется со мной навсегда, напоминая о моей ошибке и о тех, кто заплатил за нее своей жизнью. Это бы-

ло не просто наказание, это было вечное клеймо на моей душе. Эдгар сидел в повозке, опустив голову. Его плечи были напряжены, словно он нес на себе тяжесть всего мира. Он не смотрел на меня, но я чувствовала его присутствие, его молчаливое осуждение. Возможно, он тоже винил себя, возможно, он пытался понять, как такое могло произойти. Я залезла в повозку и села напротив него, не проронив ни слова. Тишина между нами была оглушительной, наполненной невысказанными упреками и горем. Повозка тронулась, и мы поехали прочь от этого проклятого места, где погибли невинные люди. Места, которое навсегда останется в моей памяти как символ моего падения. Дорога казалась бесконечной. Я смотрела в окно, но видела лишь отражение своего измученного лица. Бледное, осунувшееся, с глазами, полными отчаяния. Воспоминания нахлынули с новой силой, словно волна, захлестнувшая меня с головой. Я закрыла глаза, пытаюсь отгородиться от них, от образов тех, кого я не смогла спасти. Но они преследовали меня, словно тени, неотступно следуя по пятам, нашептывая о моей вине. - "Как я могу жить после этого ...?" - слезы полились с щек. Лицо Эдагара осталось невозмутимым. - "Время покажет Арина" Слова Эдгара прозвучали как приговор. Время покажет... Но что, если время покажет, что я недостойна жить дальше? Что, если боль и вина будут преследовать меня вечно, не давая ни единого шанса на искупление? Когда мы подъехали к замку, я почувствовала, как внутри меня все сжалось. Этот величествен-

ный замок, символ власти и справедливости, теперь казался мне местом суда и приговора. Я знала, что меня ждет, и это была не просто казнь. Это было нечто гораздо худшее — презрение и ненависть тех, кто потерял своих близких. Я боялась этих взглядов, боялась их слов, боялась их проклятий. Страх сковал меня, лишая возможности дышать. Повозка остановилась около замка. Эдгар вышел первым и подал мне руку. Я взяла ее, как утопающий хватается за соломинку. Его рука была сильной и уверенной, но я чувствовала в ней не только поддержку, но и решимость. Вместе мы зашли в замок, где нас уже ждала толпа людей. Их лица были искажены гневом и печалью. Некоторые плакали, другие кричали проклятия. Я опустила голову, не в силах смотреть им в глаза. Я знала, что заслужила это. Каждый взгляд, каждое слово, каждый всхлип — все было заслуженным. Воздух был густым от напряжения, словно перед грозой. Я стояла в тени, наблюдая, как Эдгар выходит вперед, его фигура вырисовывалась на фоне сумрачного неба. Его голос, звучал как сталь, закаленная в огне. Твердый, решительный, он нес в себе тяжесть неоспоримых фактов. Но я, стоящая в стороне, чувствовала не только эту внешнюю силу, но и ту глубокую, скрытую печаль, которая, казалось, пронизывала каждое его слово. Он говорил о том, что произошло. О моей неосторожности, о роковой ошибке, которая, словно камень, брошенный в спокойную воду, породила волны разрушения. Он не искал оправданий, не пытался смягчить удар. Он просто кон-

статировал факты, и каждое его слово было как удар молота, вбивающий в мою душу гвоздь вины. Я чувствовала, как этот груз, невидимый, но осязаемый, давит на меня все сильнее, сжимая грудь, лишая воздуха. Каждое слово Эдгара было зеркалом, отражающим мою собственную несостоятельность, мою ответственность за те жизни, которые были оборваны. Когда он закончил, наступила тишина. Не та тишина, что приносит облегчение, а та, что предшествует буре. Она была наполнена невысказанными обвинениями, застывшим гневом. И в этой гнетущей паузе раздался крик. Один, но такой мощный, что он пронзил тишину, как молния. Крик, полный боли и отчаяния, вырвавшийся из глубины человеческой души, искалеченной потерей. - "Убийца!" Это слово, выкрикнутое мужчиной, было не просто обвинением. Оно было приговором. В его голосе звучала ненависть, такая концентрированная, что казалось, она может сжечь дотла. И этот крик, словно сигнал, пробудил спящую в толпе ярость. Она взревела, единым, чудовищным голосом, требуя моей смерти. Я видела их лица, искаженные гневом, их руки, тянущиеся ко мне. И в этот момент я поняла, что слова Эдгара, его бесстрастное изложение фактов, стали лишь прелюдией к тому, что должно было произойти. Я была обречена, и эхо его голоса, эхо моей вины, теперь сливалось с ревом толпы, обрекая меня на неизбежное.

Глава 6

Эдгар вышел вперед, и в тот же миг гул голосов стих, словно кто-то выключил звук. В воздухе повисло напряжение, густое и осязаемое, как предгрозовая духота. Его слова, произнесенные ровным, но властным тоном, прозвучали как приговор: "Мне кажется, вы забыли о том, что решения по поводу всего здесь принимаю я. Да, Арина виновата в смерти ваших друзей, но никто в этом доме ее не тронет". В толпе, еще минуту назад бурлящей от скорби и жажды мести, пронесся шепот недовольства. Несогласие, словно зараза, начало расползаться, перерастая в открытое возмущение. Кто-то, чье лицо исказилось от ярости, выкрикнул "Убийца!" и, подхватив с земли камень, замахнулся, целясь прямо в меня. Но прежде чем смертоносный снаряд достиг цели, он врезался в невидимую преграду. Прозрачная стена, возникшая словно из ниоткуда, одним движением руки Эдгара, остановила его. Камень отскочил, оставив лишь легкое мерцание на поверхности барьера. Этот акт неповиновения, это дерзкое пренебрежение его властью, словно вызвало бурю в душе Эдгара. Его лицо исказилось гневом, глаза сверкнули, и в небе, словно по его приказу, стали сгущаться темные тучи. Он протянул руку, и мужчина, бросивший камень, закричал, корчась от невыносимой боли. "Эдгар, пожалуйста, не надо!" – мой голос дрожал, но я не могла молчать. Я видела его ярость,

чувствовала ее разрушительную силу, и страх за этого человека, несмотря на его поступок, охватил меня. - "Не надо?!" – его голос был полон сарказма и боли. - "Ты тоже решила, что можешь говорить мне, что нужно, а что нет!" - "Нет, я все так не думаю, но прошу, не надо!" – я пыталась достучаться до него, до той части его, которая еще помнила о милосердии. - "Даже интересно, на что ты готова ради этого человека?" – его взгляд был острым, пронзительным, словно он пытался заглянуть в самую глубину моей души. - "Человека, который только что был готов тебя убить, Арина?!" В его словах звучала не только ярость, но и глубокое разочарование. Он, тот, кто взял на себя ответственность за всех, кто оказался под его защитой, столкнулся с предательством – не только со стороны толпы, но и, как ему казалось, с моей стороны. Его стена, возведенная для моей защиты, стала символом его власти, а мой протест – вызовом этой власти. И теперь, в этой буре гнева, я должна была найти ответ, который мог бы спасти не только того человека, но и нас всех от разрушительных последствий его ярости. - "Я ...я готова на все, только отпусти его...."

Глава 7

В повисшей тишине, такой плотной, что казалось, ее можно потрогать, мои слова прозвучали громче грома. Не крик, не мольба, а твердое, выстраданное обещание, вырвавшееся из глубины души. Ярость в глазах Эдгара, до этого пылающая адским огнем, на миг утихла, словно угли, присыпанные пеплом. В ее месте возникло сложное переплетение чувств, которое я не могла до конца расшифровать. Боль, глубокая, как старая рана, обида, жгучая, как кислота, и непонимание, туманное, как утренний рассвет – все это боролось в его взгляде, отражая бурю, бушующую внутри него. Он продолжал удерживать мужчину в своей власти, но хватка, казалось, чуть ослабла, словно сама его сила начала колебаться под натиском моих слов. – «На все?» – переспросил он, и в этом коротком вопросе звучала целая бездна. Словно проверяя, насколько искренне мое обещание, насколько глубока моя решимость. В его голосе появилась странная нотка, смесь надежды, хрупкой, как крыло бабочки, и обреченности, тяжелой, как камень. – «Ты правда готова на все, чтобы защитить этого... этого смертного, что так отчаянно жаждет твоей смерти?» Я кивнула, не отводя взгляда. Знала, что одно неверное движение, одно фальшивое слово может стать роковым. В этот момент передо мной стоял не всесильный защитник, не могущественное существо, чья сила казалась

безграничной. Передо мной был раненый зверь, загнанный в угол, готовый разорвать любого, кто причинит ему боль, кто посмеет посягнуть на то, что ему дорого. И в его глазах я видела не только гнев, но и страх – страх потери, страх одиночества. Эдгар отпустил мужчину, который тут же рухнул на землю, хватая ртом воздух, словно только что вынырнул из бездны. Ярость постепенно покидала его, оставляя лишь пустоту, зияющую, как выжженная земля после пожара. Он посмотрел на меня долгим, тяжелым взглядом, полным упрека и разочарования. В этом взгляде читалось все: и боль от моего выбора, и непонимание, почему я ставлю жизнь этого ничтожного существа выше его чувств. Развернулся и, не сказав ни слова, направился к дому, оставляя меня наедине с толпой, с испуганным мужчиной, чья жизнь теперь висела на волоске, и с тяжким грузом ответственности за все произошедшее. В небе перестали сгущаться тучи, словно природа, отступив, давала мне время осмыслить свой поступок. Тишина, воцарившаяся после ухода Эдгара, была не просто отсутствием звука. Она была осязаемой, давящей, тяжелее грозовых туч, предвещающих новую бурю. Я оглядела толпу застывших людей, их лица, словно маски, выражали сложную смесь страха и нескрываемого любопытства. В их глазах читалось недоумение, смешанное с облегчением, но ни тени истинного понимания. Мужчина, которого Эдгар едва не лишил жизни, все еще лежал на земле, его тело сотрясало от попыток отдышаться. Я подошла к нему, протяну-

ла руку, предлагая помощь. Его реакция была мгновенной и болезненной: он шарахнулся от меня, словно я могла причинить ему еще больше зла, словно моя помощь была лишь новой формой угрозы. "Спасибо, что спасла меня," – прохрипел он, его голос был хриплым от пережитого, а взгляд – избегающим моего. – "Но я не уверен, что это было правильным решением." Его слова полоснули, словно клинком, рассекая тонкую нить моего самообладания. Я отвернулась, ощущая, как горькая волна обиды поднимается в груди, обжигая горло. Разве я не рисковала всем ради него? Разве не поставила на кон собственную жизнь, пообещав Эдгару отдать все, лишь бы спасти его? Но вместо благодарности, вместо облегчения, я видела лишь страх и сомнение, отраженные в его глазах. Я понимала, что моя связь с Эдгаром, моя природа, лежит за гранью их понимания. Для них я была лишь инструментом, способным защитить или уничтожить, не более. Они видели силу, но не видели цену, которую я плачу за каждое свое решение. Никто из них не задумывался о моей собственной боли, о том, как тяжело нести бремя таких выборов, когда каждый шаг может привести к непоправимым последствиям. Развернувшись, я пошла по направлению к дому, вслед за Эдгаром. Его уход оставил за собой пустоту, но и предвестие неизбежного. Я знала, что нас ждет тяжелый разговор, и я не была готова к нему. Мне нужно было объяснить ему, почему я поступила именно так, почему я выбрала этот путь, и постараться, чтобы он понял ме-

ня. Шаги отдавались гулким эхом в пустом доме. Эдгар стоял у окна, спиной ко мне, и в тишине можно было расслышать его тяжелое дыхание. Я подошла ближе, чувствуя, как внутри нарастает тревога. - "Почему?" - спросил он, не оборачиваясь. Его голос был тих, но в нем сквозила сталь. - "Почему ты его спасла?" Я прикусила губу, собираясь с мыслями. Как объяснить ему то, что им никогда не понять? Как объяснить ту странную связь, что нас объединяет, связь, в которой переплелись долг, страх и... любовь? - "Я не могла позволить тебе убить его," - ответила я, стараясь говорить спокойно. - "Это сломало бы тебя. Ты бы никогда себе этого не простил." Он резко обернулся, и я увидела в его глазах бурю эмоций. Гнев, непонимание, боль...

Глава 8

- "Ты думаешь, я настолько слаб?" – прорычал он, шагнув ко мне. Его голос, низкий и вибрирующий от сдерживаемой ярости, заставил меня вздрогнуть. - "Ты думаешь, я не знаю, что делаю?" - "Я так не думаю," – выдохнула я, пытаюсь сохранить спокойствие, которое, казалось, покидало меня с каждой секундой. Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать, и теперь я жалела о своей неосторожности. - "Знаешь, А-р-и-н-а, ты все больше меня удивляешь," – продолжил он, его взгляд, острый как лезвие, впился в меня. – "Ты готова заступиться за человека, которого видела первый раз в жизни. Человека, который хотел тебя убить. Впрочем, мне все равно... иди к себе. Завтра мы едем к твоим родителям." - "Зачем?" – спросила я, и страх, холодный и липкий, сковал мое горло. Мысль о предстоящей встрече с родителями, о его намерении "познакомиться поближе" с ними, вызвала волну тревоги. Но сейчас это казалось второстепенным на фоне его гнева и разочарования, которые я ощущала как физическое давление. - "Хочу познакомиться поближе с родителями моей будущей жены," – ответил он, и в его голосе прозвучала зловещая нотка. – "Ты же говорила, что согласна на все ради спасения жизни того человека... Хотя, ты знаешь, если нет, мы можем вернуться на площадь. Никто не может подрывать мой авторитет, а ты это сделала." Я замер-

ла на месте, ощущая, как в груди застревает ком напряжения. Его слова, словно удары молота, обрушивались на меня, заставляя чувствовать себя пойманной в ловушку. Я не была Ариной. Я была Мариной, ее сестрой-близнецом, и моя мать, в отчаянии, отдала меня этому человеку, чтобы спасти жизнь Арины. Я солгала ему, назвавшись Ариной, и теперь этот обман грозил обернуться катастрофой. - "Ты не понимаешь," – сказала я, стараясь найти нужные слова, которые могли бы смягчить его гнев, но в то же время не выдать мою тайну. – "Это не просто встреча. Я не уверена, что справлюсь с тем, что ты ожидаешь от меня. К тому же, мои родители... я не уверена, что они будут рады нас видеть." Я надеялась, что эти слова заставят его передумать, что он поймет, насколько сложной будет эта ситуация. Но в глубине души я знала, что это лишь отсрочка. Если он узнает правду, если он поймет, что я обманула его, что моя мать подставила меня, что я не та, за кого себя выдаю... Он убьет меня. Убьет всю мою семью. - "О, я прекрасно понимаю," – ответил он с горечью, и в его глазах мелькнула тень боли, которую я не могла расшифровать. – "Ты не вправе отказываться от последствий своих поступков." Его слова прозвучали как приговор. Я была обречена. Игра теней, в которую я оказалась втянута, становилась все более опасной, и я чувствовала, как страх медленно, но верно поглощает меня. Я была всего лишь пешкой в чужой игре, и теперь мне предстояло сыграть свою роль, даже если это означало идти навстречу собственной гибели. - "Я

знаю, что я ошиблась," – прошептала я, слова вырвались из меня с трудом, словно пытаюсь пробиться сквозь плотную завесу его эмоций. Я надеялась, что эти простые, искренние слова найдут отклик в его сердце, растопят лед недоверия. – "Но я не могла просто стоять и смотреть. У меня есть свои принципы." Его ответ прозвучал как удар хлыста, резкий и болезненный. Сарказм, словно ядовитая стрела, пронзил тишину, а в его голосе прозвучала нотка презрения, которая заставила меня съежиться. – "И какие же это принципы?" – спросил он, и в его глазах я увидела отражение собственного смятения, но искаженное его болью. – "Спасать тех, кто хочет тебя убить? Ты сама себя запутала, Арина." Эти слова, произнесенные с такой горечью, ударили по самому больному. Он видел мои действия как предательство, как глупость, как нарушение неких неписаных законов, которые, по его мнению, должны были руководить мной. А я... я видела в них проявление своей сущности, своей неспособности оставаться равнодушной, когда кто-то нуждался в помощи, даже если этот кто-то был врагом. Мои принципы, которые я считала непоколебимыми, теперь казались ему лишь оправданием для безрассудства. Я смотрела на него, пытаюсь найти в его глазах хоть искру понимания, но видела лишь стену, возведенную из страха и обиды. Мы стояли на разных берегах пропасти, и мосты, которые мы строили годами, казалось, рушились на наших глазах. Мои слова, призванные примирить, лишь углубили разрыв. Мои принципы, которы-

ми я так гордилась, теперь стали причиной нашего отчуждения. В этот момент я поняла, что истинная мудрость заключается не только в следовании своим убеждениям, но и в умении видеть мир глазами другого человека, даже когда его взгляд кажется враждебным. Я ошиблась, но не в том, что пыталась помочь, а в том, что не смогла предвидеть последствий, не смогла просчитать, как мои действия повлияют на него. Я опустила взгляд, чувствуя, как слезы подступают к глазам, но сжала кулаки, чтобы не дать им пролиться. Мое сердце билось так сильно, что казалось, оно вырвется из груди. - "Ты прав, я запуталась," – прошептала я, стараясь не дрожать. - "Но я не могла поступить иначе. Я не могла позволить ему умереть, даже если он заслуживает этого. Я не такая, как ты, Эдгар. Я не могу быть жестокой." Он замер, его взгляд стал холодным и проницательным, словно он пытался разглядеть правду, скрытую за моими словами. - "Ты говоришь так, будто я монстр," – произнес он тихо, но с угрозой в голосе. - "Но я лишь защищаю то, что считаю своим. И если ты думаешь, что можешь играть со мной, ты ошибаешься." Я почувствовала, как страх сжимает горло. - "Я не играю," – быстро ответила я, стараясь говорить уверенно. - "Я просто пытаюсь понять, что происходит. Я не хочу, чтобы кто-то пострадал, и уж тем более не хочу, чтобы ты сделал что-то, о чем потом будешь жалеть." Он медленно подошел ко мне, и я почувствовала, как его дыхание касается моего лица. - "Ты не понимаешь, Арина," – произнес он, и

в его голосе слышалась странная смесь злости и боли. – "Я уже сожалею. Сожалею о том, что познакомился с тобой. Но теперь ничего не изменишь. Завтра мы едем к твоим родителям, и ты будешь делать все, что я скажу. Иначе..." Он не закончил фразу, но мне не нужно было объяснений. Я поняла, что у меня нет выбора. Я либо соглашусь с его условиями, либо подвергну опасности не только себя, но и тех, кого люблю. Этот момент стал переломным. В нем столкнулись две противоположные силы: моя внутренняя потребность в сострадании и справедливости, и его холодная, расчетливая воля. Я всегда верила в добро, в возможность искупления, в то, что даже самый заблудший может найти путь к свету. Но Эдгар, казалось, был воплощением другой философии – философии силы, где право сильного определяет истину. Его слова о сожалении почему-то ранили меня глубже, чем любая угроза. Я видела в его глазах не только гнев, но и боль, которую он пытался скрыть за маской жестокости. Возможно, он тоже был жертвой обстоятельств, искалеченный прошлым, которое заставило его стать таким. Но это не оправдывало его намерений. Мое сердце разрывалось между желанием защитить невиновных и пониманием того, что я сама оказалась в ловушке. Я не могла позволить ему причинить вред моим родителям. Их безопасность стала моим главным приоритетом, даже если это означало подчиниться его воле. "Я... я поняла," – прошептала я, чувствуя, как последние остатки сопротивления тают. – "Я сделаю, что ты

скажешь. "В его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение, но оно было омрачено тенью печали. Он знал, что выиграл, но цена этой победы была высока. Он получил мою покорность, но потерял мою веру. Ночь прошла в тягостном полусне. Я ворочалась, пытаюсь найти хоть какой-то выход, хоть какую-то лазейку в этой безвыходной ситуации. В голове роились обрывки мыслей, воспоминания, страхи. Я вспоминала лица родителей, вспоминала сестру. Я не могла допустить, чтобы Эдгар причинил им боль. Утром, когда солнце едва коснулось горизонта, Эдгар разбудил меня. Его взгляд был непроницаем, словно маска, скрывающая все эмоции. Он не сказал ни слова, лишь протянул мне одежду. Я молча взяла ее и пошла в ванную. В зеркале я увидела бледное, измученное лицо. Глаза, еще вчера полные жизни и надежды, теперь смотрели с обреченностью. Я попыталась собраться, нанести макияж, чтобы скрыть следы бессонной ночи, но все было тщетно. Страх проступал сквозь все слои косметики. За завтраком Эдгар был немногословен. Он ел механически, не поднимая глаз. Я чувствовала его напряжение, его внутреннюю борьбу. Возможно, он и сам не хотел этого, возможно, он тоже был жертвой обстоятельств, но это не меняло сути дела. Он был готов пойти на все, чтобы добиться своего. Дорога к родительскому дому тянулась бесконечно. Каждый километр приближал меня к неизбежному. Я молча смотрела в окно, наблюдая за проплывающими мимо пейзажами. Они казались такими чужими, такими далекими от

той реальности, в которой я оказалась. Когда мы выехали с леса и подъехали к поселку, я почувствовала, как сердце замирает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.